

Душѣ на свѣтѣ, въ которыхъ святая печаль,
какъ свѣча предъ иконою,
Ярко горить, пока догоритъ; но она и для
нихъ ужъ
Все не та подъ-конецъ, какою была при началѣ,
Полная, чистая; много иного, чужого
Между утратою нашей и нами уже протѣсни-
лось;

Вотъ, наконецъ, и всю измѣняемость здѣшняго
въ самой

Нашей печали мы видимъ... итакъ, скажу къ
сожалѣнью,

Наше горе земное не надолго...

Эта поэма принадлежитъ къ позднѣйшимъ
произведеніямъ Жуковскаго, а оттого ея ро-
мантизмъ какъ-то сговорчивѣе и дѣлаетъ
болѣе уступокъ разсудку и дѣйствительности...

Не будемъ распространяться о достоин-
ствѣ перевода «Орлеанской Дѣвы» Шиллера:
это достоинство давно и всѣми единодушно
признано. Жуковский своимъ превосходнымъ
переводомъ усвоилъ русской литературѣ это
прекрасное произведение. И никто кромѣ
Жуковскаго не могъ бы такъ передать этого
по преимуществу романтическаго созданія
Шиллера, и никакой другой драмы Шиллера
Жуковский не былъ бы въ состояніи такъ
превосходно передать на русскій языкъ, какъ
превосходно передалъ онъ «Орлеанскую Дѣ-
ву».—Въ особенную заслугу Жуковскому
здравый эстетическій вкусъ долженъ поста-
вить переводъ балладъ Шиллера: «Рыцарь
Тогенбургъ», «Ивиковы Журавли», «Кассан-
дра», «Графъ Габсбургскій», «Поликратовъ
Перстень», «Кубокъ», и пьесы Шиллера
же—«Горная дорога»; все это переведено
превосходно—Но если чтò составляетъ ис-
тинный ореолъ Жуковскаго, какъ перевод-
чика,—это его переводъ слѣдующихъ трехъ
пьесъ Шиллера: «Торжество Побѣдителей»,
«Жалоба Цереры» и «Элевзинскій Празд-
никъ». Если бъ кромѣ этихъ пьесъ Жуков-
скій ничего не перевелъ, ничего не напи-
салъ,—и тогда имя его не было бы забыто
въ исторіи русской литературы.

«Торжество Побѣдителей» есть одно изъ
величайшихъ и благороднѣйшихъ созданій
Шиллера. Въ немъ гений этого поэта являет-
ся съ лучшей своей стороны. Великая ду-
ша Шиллера горячо сочувствовала всему
великому и возвышенному, и это сочувствіе
ей было воспитано и развито на историче-
ской почвѣ. Глубоко проникъ этотъ великій
духъ въ тайну жизни древней Эллады, и
много высокихъ вдохновеній пробудила въ
немъ эта дивная страна. Онъ такъ красно-
рѣчиво оплакалъ паденіе ея боговъ, онъ съ
такой страстью говорилъ объ ея искусствѣ, ея
гражданской доблести, ея мудрости. И нигдѣ
съ такой полнотой и такой силой не выра-
зилъ онъ, не воспроизвелъ поэтическаго
образа Эллады, какъ въ «Торжествѣ Побѣ-
дителей». Эта пьеса есть апофеозъ всей жи-

зни, всего духа Греціи: эта пьеса—вмѣстѣ и
поэтическая тризна, и побѣдная пѣснь въ
честь отечества, боговъ и героевъ. Она на-
писана въ греческомъ духѣ, облита свѣтомъ
мірообъемлющаго созерцанія греческаго.
Шиллеръ говоритъ не отъ себя: онъ воскре-
силъ Элладу и заставилъ ее говорить отъ
самой себя и за самое себя. Величіе и важ-
ность греческой трагедіи слиты въ этой пьесѣ
Шиллера съ возвышенной и кроткой скорбью
греческой элегіи. Въ ней видится и свѣтлый
Олимпъ съ его блаженными обитателями, и
подземное царство Аида, и земля съ ея до-
бромъ и зломъ, съ ея величіемъ и ничтож-
ностью,—и парящая надъ всѣми ими мрач-
ная Судьба, верховная владычица боговъ и
смертныхъ... Нельзя шире и вѣрнѣе воспро-
извести нравственной физіономіи народа, уже
не существующаго столько тысячелѣтій!

Побѣдоносные греки готовятся отплыть
отъ враждебныхъ береговъ Трои въ свое оте-
чество и собрались къ острогрудымъ кора-
блямъ праздновать тризну въ честь минув-
шаго. Калхасъ приносить жертву богамъ.

Судъ оконченъ; споръ рѣшился,
Прекратилась борьба,
Все исполнила судьба—
Градъ великій сокрушился.

Каждый изъ героевъ, участвовавшихъ въ
великомъ событіи паденія «священнаго Приа-
мова града», высказывается какимъ-нибудь
сужденіемъ, примѣненнымъ къ обстоятель-
ству. Хитроумный Одиссей замѣчаетъ, что
не всякій насладится миромъ, возвратившись
въ свой домъ, и, пощаженный богомъ войны,
часто падаетъ жертвой вѣроломства жены.
Менелай говоритъ о неизбѣжномъ судѣ все-
видящаго Кронида, карающаго преступленія.
Особенно замѣчательны слова Аякса Олейда:

Пусть веселый взоръ счастливыхъ
(Оилеевъ сынъ сказалъ)
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:
Сколько добрыхъ жизней поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ шадить!...
Нѣтъ великаго Патрокла;
Живъ презрительный Терситъ.

Но эта горестная и мрачная мысль сей-
часъ же, по свойству всеобщаго и многосто-
ронняго духа греческаго, разрѣшается въ
веселое и свѣтлое созерцаніе:

Смертный, вѣчный Дій Фортунѣ
Своеправной предаль насть;
Уловляя же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втунѣ.

Вообще эти четверостишія, слѣдующія за
каждымъ куплетомъ, напоминаютъ собой
хоръ изъ греческой трагедіи. Олейдъ про-
должаетъ:

Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,